

КИРИЛЛ СМОРОДИН

**И КАЖДЫЙ
ДЕНЬ
ВОСХОДИТ
СОЛНЦЕ**

Р О М А Н

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С51

Сморodin, Кирилл.

С51 И каждый день восходит солнце : роман / Кирилл Смородин. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-225977-7

Случалось ли вам ловить себя на мысли, что внешне все хорошо, но внутри — пусто? С этим столкнулся и главный герой книги, который страдает тяжелой депрессией. Внешне все складывается: кругосветное путешествие, публикация книги, внимание читателей, но болезнь возвращается с новой силой и приводит героя в психиатрическую больницу Нью-Йорка. В замкнутом пространстве он проживает целую жизнь: знакомится с разными людьми, наблюдает за системой изнутри и впервые честно смотрит на себя и свой диагноз. Главный герой пытается найти ответы на вопросы: как жить, когда уже «попробовал всё», а лучше не стало, и как не позволить диагнозу полностью определить твою личность.

УДК 821.161.1-311.8
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225977-7

© Смородин К.А., текст, 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

*Мы забыли, что мы дети, запирая душу в тело,
Мы уверены, что нужно подчиняться важным дядям.
Продав душу в клубах, вдохнув не слабо,
Мы спим и видим сны, как мать нас ласкала.*

*Нам не нужен ответ, нам нужно остыть,
Не изменит наш мир бесполезный бег.
И ты так близко, наше время льется,
Мне нужно забыться или сердце собьется.*

*Оступаясь, нас теряют из вида и мира,
Все спрячут улыбки, но не скажут, как было.
Нас не могут спрятать, чтобы не было видно,
Понять не так просто, но нам не обидно.*

*В ночь, когда на елке загорятся все звезды,
Я прошу у дракона быть со мной серьезным.
В моем маленьком сердце есть большое слово,
Я хочу жить и снова стать здоровым.*

*Я лечу на небо, обняв тебя за шею,
Вижу планеты, пока катетер в вене.
Пока слышу голос, пока вижу лица,
Но покинет мир моя жар-птица.*

Ассаи, песня «Жар-птица»

Содержание

Глава I. ГЛИДДЕН-СТРИТ	9
Глава II. ЭДДИ.....	15
Глава III. BELLEVUE	126
Глава IV. НЬЮ-ЙОРК	263
Глава V. АПАРТАМЕНТЫ 2В.....	374

Глава I

ГЛИДДЕН-СТРИТ

Я сижу на втором этаже старого деревянного дома на Глидден-стрит и сжимаю в руке револьвер. Холодный, в меру тяжелый, он идеально лежит в моей руке, он создан для нее. Серебряного цвета с блестящим барабаном и черной прорезиненной ручкой. Маленький, такие принято называть женскими. Много ли они знают о женщинах, чтобы так говорить. Он был дешевле остальных и, по сути, какая разница, из какого пистолета себя убивать: мужского или женского. Я купил его несколько недель назад в штате Флорида. Там в одном магазине можно купить и пистолет, и чипсы, и лотерейный билет. Я покачиваюсь на деревянном стуле, от чего скрипят старые половицы, скрипит стул, весь дом тихонько поскрипывает, как старая уставшая мельница. Мы здесь перемалываем остатки человечности. Крутим жернова человеколюбия. Фиолетовые гнилые мысли, хрящи, старое пианино Mason & Hamlin с первого этажа, татуированную кожу, выпуклые глазницы, ее новогоднее черное платье, ровные предложения Томаса Манна. Мы перерабатываем. Ножи для колки льда и лоботомии, новую модель Теслы, биодобавки Nature's Sunshine, пожи-

И КАЖДЫЙ ДЕНЬ ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

лых сотрудников Гринпис, защитные стекла для Айфона, фасции, ткани, капилляры. Мы дробим. Садитесь, можно кушать без костей. Мы перекручиваем все. Превращаем в пунцовый фарш, добавляем специи, лепим новое прекрасное.

Только тихий скрип. Никаких других звуков.

Я в точности не знаю, сколько так просидел, я проснулся в три часа ночи весь в поту после очередного кошмара. Они всегда начинают сниться за полночь и продолжаются до трех ночи. Три часа ночи — это всегда слишком поздно или слишком рано для всего, что ты мог бы сделать. Совсем другое дело три часа дня. В это время можно спать. А три часа ночи — очень странное время. Я проснулся и не могу вновь уснуть. Жду рассвет. Победоносное шествие нового дня. В это время с трех ночи до рассвета я ощущаю внутри организма движение. Медленное, тягучее, вязкое, как мокрота. Это движение существа. Во мне живет змея. Существо в существе. Я думаю, что это змея, но никогда ее не видел. Черно-зеленого цвета, пигментированная, неопределенного размера змея. Она проползает между плеврами легких, протискивается по тонкому кишечнику, замирает в пищеводе, медленно моргая. Ждет. Она застряла там и ждет. Я пытаюсь дышать, и тонкие струйки воздуха проникают между змеей и пищеводом. Я проглотил целого мохнатого шерстяного кролика, и он застрял во мне где-то посередине. Потом я проглотил шляпу, из которой кролика вынули. Как давно змея живет во мне? Я не могу вспомнить и переварить ее не могу. Это она переваривает меня своим молчанием, своей скользкой плотью, прилегая к слизистым. Если мне заглянуть в рот, то можно увидеть ее темно-желтые глаза. Они разрисованы моими предками в набедренных повяз-

ках и блестят, как ацтекское золото. Во мне живет змея. И у нее нет имени. От этого существа внутри меня медленно тошнит. Тошнота, от которой хочется блевать, но не выходит. Не хватает буквально доли секунды, чтобы полностью вырвало. Тошнота, от которой хочется откашляться, выплюнуть ее, вырвать ей, но она продолжает сидеть в горле, опускаясь по пищеводу в живот и куда-то дальше вовнутрь. Я хочу чихнуть как можно громче и сильнее, освободиться от мокроты, и она, казалось бы, подходит, я ее чувствую языком и деснами. Я чувствую змею без имени. Кусок темно-зеленой, липкой смолы в пищеводе. Хочу сплюнуть, забыть навсегда, округляю глаза, хватая воздух губами, но так и застываю в этом мгновении. А змея медленно, насытившись моим страхом, сверкая глазками, уползает вглубь, в недра моего организма.

Каждый раз мне это казалось каким-то позерством, приправленным невыносимой жалостью к себе. Я не могу до конца понять, где граница между моей смелостью и жалостью. В какой момент это перестанет быть бравадой, и я шагну. В какой момент диалог в голове прекратится, змея без имени перестанет шевелиться, и я нажму на курок. Все пропадет в момент: боль, тошнота, балкон и маленький женский пистолет. Они ничего не знают о женщинах! Мое прошлое, будущее, бабушкина фотография на могиле, плохие оценки в школе. Цветы для мамы на Восьмое марта, детские футбольные награды, племянники, моя первая книга, воспоминания о кругосветке, работа на радио, эмиграция, моя первая любовь, моя последняя любовь. Все это исчезнет. Куда это все провалится? Кто-нибудь знает? Ни черта вы не знаете. Мама, сестра, как они будут с этим жить. Как они вынесут это горе.

И КАЖДЫЙ ДЕНЬ ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

Я всего лишь биомасса, всего лишь песчинка. Плевать. Я всего лишь песок на ветру. Песок на ветру. Я продолжаю повторять эту фразу пересохшими губами. Очень жарко. По лбу и вискам течет пот, челюсть сводят судороги, я горю изнутри. Температура, наверное, сорок, и почему-то печет ноги и пятки. Я начинаю гореть в аду, а это прелюдия. Сажу на стуле весь мокрый, трясущейся рукой сжимаю кусок металла в руке, думая о том, какой я жалкий. Я так и не научился гореть по полной, но и не могу набраться смелости по полной раствориться. Жалкий трус, жалкий, жалкий, жалкий!

Глухой хлопок. Едкий, кислый запах дыма и гнилого дерева ударил в нос. Темно. Получается все. Теперь только небесно-голубая гладь забытья. Я не чувствую тяжести век. У меня их никогда не было. Я смотрю в теплую темноту не моргая. Мои глаза — вытекшее из берегов озеро Титикака, губы — обод молодой Луны, горло — Мраморная пещера. Это конец? Надо успеть что-то сказать. Это точно конец, и я не слышу больше северный ветер. Не забудьте сжечь меня и развеять над заливом Кейп-Код. Не отдавайте меня на съедение червям и сороконожкам, мне будет неприятно. Я рукоплещу безрассудной детской легкости. Спасибо, Великий Я.

Вот он я, совсем маленький, мне лет семь, в коротких шортиках и коричневых сандалиях, смотрю на маму, которую впервые увидел. Щелкает затвор камеры. Вот мы с отцом выбираем мой первый футбольный мяч. Щелк. Вот нас награждают медалями за выигрыш чемпионата города. Щелк. Вот я дерусь на дискотеке и возвращаюсь избитый домой, и мать обрабатывает мне раны. Вот я работаю на крымском радио и глупо шучу в эфире. Щелк. Кругосветное путешествие, автостоп в Алтайских горах,

бамбуковый плот в Лаосе, Китайская стена, американские дорожные знаки, кофейные плантации Колумбии. Возвращение. Выход книги. Любовь. Ковид. Смерть бабушки. Депрессия. Больница. Портрет в Эрмитаже. Эмиграция. Верфь. Глидден-стрит. Револьвер с прорезиненной ручкой. Все. Конец. Щелчки затвора камеры продолжают, выхватывая из памяти воспоминания моей жизни. Сколько всего, оказывается, со мной происходило. И не надо меня провожать. Вы должны остаться и заниматься своими делами, иногда вспоминать меня, прислушиваться к звукам в ночной тишине, наблюдать, как в пустой угол смотрит кот, вызывать меня на Рождество с помощью помятых сальных карт и керамического блюдца. Я становлюсь холодным. Туман — это холодная земля или холодный воздух? Значит ли, что меня не заберут в царство Аида? Дайте мне вечный бледно-белый полет Джонатана Ливингстона и вытащите камень из горла. Я готов.

Пахнет сыростью старого темно-красного дуба. Сквозь темноту деревянного гроба что-то капает мне на глаза. Я чувствую соленую воду. Я все еще чувствую. Мягкие кристаллы катятся по щекам, огибая скулы, падают на шею и разбиваются о мыс Фиолент. Трогаю щетинистое, горячее и мокрое лицо. Ощущаю прилипшие, как горячий воск, к стулу ноги. Кривые, сухие, пальцы молодого старика трясутся мелкой дрожью, отбивая незнакомый мотив. В голове дряхлый стервятник гремит на трубе си-бемоль. Очень холодно, и практически нечем дышать. Я вдыхаю дымовую завесу спектакля, сильно кашляя, сквозь слезы. На полу лежит пистолет с прорезиненной ручкой. Живой...

В окне отражаются ветки деревьев, грустно свисающие вниз, как рукава Пьеро, и небрежно обнимающие

И КАЖДЫЙ ДЕНЬ ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

дом. Вдалеке, между белыми двухэтажными домами, блеснул светло-желтый луч, потихоньку вырастая в полукруглый оранжевый шар. Светает. Жутко захотелось курить. В доме курить нельзя. Как идиотски все-таки устроен мозг и как можно переживать об этом, когда только что собирался уйти на тот свет. Прошло минут пять или десять. Заморосил легкий, еле видимый косой дождик. Я открыл окно, впустив в комнату запах листвы и мокрого асфальта. К дому, мерцая красно-синими огоньками, почти бесшумно подъехала полицейская машина.

Глава II

ЭДДИ

Прежде чем продолжить, я хотел бы прояснить некоторые обстоятельства. Меня зовут Эдди. Так я представляюсь в Америке, но об этом позже. Мне нужно говорить о себе честно, чтобы вы поняли, с кем имеете дело. Мне нужно избегать человеческих украшений. По крайней мере, в этой книге. Хотя это вовсе не книга, потому что я совсем не писатель. Это попытка исповеди. Исповедуюсь я перед самим собой и, может быть, некоторыми людьми, живущими на похожих осколках мракобесия. На этом моменте нужно прекратить редактировать, а излить состояние как есть. Почему попытка? Потому что я не уверен, что получится. В этом нет никакой надежды, никакого плана или перспектив. Это скорее ожидаемая неудача. Человеческий провал. Облупившаяся колонна классицизма. Это попытка рассказать о человеке, по сути, мертвом и разобраться, почему он еще жив. Разобраться в состоянии, которое может настичь любого. Если бы мир поддавался простому объяснению, то вам не пришлось бы читать эти строки. Вы можете упрекнуть меня, что я пишу о себе. Все верно. Этот мир — это в первую очередь я. Как и ваш мир — это в первую очередь вы. Этого